УДК 94(47)«185/190»

И. Е. Барыкина, Л. Ю. Гусман

Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в. в трудах В. Г. Чернухи

В отечественной историографии работы В. Г. Чернухи занимают особое место. Они внесли значительный вклад в формирование современного взгляда исторической науки на картину внутриполитической жизни Российской империи второй половины XIX в., сделанные в них открытия уже стали достоянием фундаментальной науки, прочно вошли в вузовские и школьные учебники истории.

Основными направлениями занятий В.Г. стали правительственная политика, определявшая выбор пути развития страны во второй половине XIX в., проявлявшаяся в сложном и неоднозначном реформаторском процессе. Этой теме была посвящена первая крупная монография В.Г., ставшая докторской диссертацией[1].

Сюжеты российской истории второй половины XIX в., отмеченной нарастающей динамикой политического процесса, привлекли внимание исследователей еще в начале XX столетия. Очерк реформ царствования Александра II вошел в курс лекций В. О. Ключевского[2]; А. А. Корнилов посвятил минувшему периоду специальный курс истории[3] и отдельные монографии — крестьянской

[1] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

[2] *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций: В 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 555–580.

[3] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 2004.

реформе и общественному движению[4]; появились работы по ключевым проблемам политической и экономической жизни[5].

К комплексному изучению внутренней политики этой эпохи историки приступили спустя полвека, когда в их поле зрения оказались свидетельства участников событий, стали публиковаться дневники государственных деятелей. Назрела необходимость в более отчетливом представлении о правительственной деятельности второй половины XIX в., в первую очередь о проведенных реформах и контрреформах, потребовалось объяснение мотивов и результатов действий власти. Наиболее значимыми в этом направлении исследований отечественной историографии второй половины прошлого века стали работы С. Н. Валка, П. А. Зайончковского, В. В. Гармизы, Б. В. Виленского, Л. Г. Захаровой[6]. Однако советская историография испытывала сильное идеологическое давление, так что тема, выбранная В. Г. Чернухой, — внутренняя политика российского самодержавия во второй половине XIX в. — представляла сложность для исследователя, стремящегося к беспристрастной оценке внутриполитического процесса.

Ни одно исследование того времени не могло обойти вниманием труды «классиков марксизма». В монографии В.Г. подошла к их работам как к определенному этапу в историографии, рассмотрев данную в них оценку причин и характера Великих реформ в общем контексте изучения внутренней политики самодержавия второй половины XIX в. При этом она остановилась и на современных (появившихся во второй половине XX в.) исследованиях, отметив, что их авторы ставили перед собой задачи «вскрыть мотивы действий правительства, его истинные цели и намерения», показать ход реформ, «дать им всестороннюю оценку»[7]. Этой же целью руководствовалась и В.Г.

Предметом монографии стало «отношение самодержавия к трансформации абсолютной монархии в конституционную». В.Г. рассмотрела историю несостоявшихся реформ, «отвергнутых царизмом и непоследовательно проведенных позже, под давлением революционных событий»[8]. Книга состоит из трех глав, представляющих разные аспекты «несостоявшейся» реформаторской

[4] *Корнилов А.А.* 1) Крестьянская реформа. СПб., 1905; 2) Общественное движение при Александре II. (1855–1881). Исторические очерки. М., 1909.

[5] См. напр.: *Иванюков И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1903; *Цейтлин С.Я.* Земская реформа // История России в XIX в. М., б.г. Т. III; *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб., 1905; *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. СПб., 1904.

[6] *Валк С.Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856–1894). М., 1951. Ч. I; *Зайончковский П.А.* 1) Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952; 2) Отмена крепостного права в России. М., 1968; 3) Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Захарова Л.Г.* 1) Земская контрреформа. М., 1968; 2) Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984.

[7] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 12.

[8] Там же. С. 13–14.

политики самодержавия — обсуждение вопросов о введении центральных представительных учреждений, о создании объединенного правительства и о переходе ко всесословному подоходному налогу. Несмотря на кажущуюся пестроту картины, структура книги объединена внутренней логикой — исследование реформаторского потенциала власти, ее отношения к «вечным» проблемам государственной жизни, решение которых запоздало как минимум на полстолетия. История правительственного «конституционализма», судьба вопроса об объединенном правительстве и всесословном подоходном налогообложении наглядно показывали, что в середине XIX в. самодержавие оказалось неспособным пойти на отказ от своих прерогатив, очертив границы «дозволенного». Во всей своей остроте эти проблемы вновь встали в начале XX в., но их решение носило уже спешный, вынужденный характер.

Работа над книгой длилась почти десять лет, в течение которых В.Г. помещала в сборниках «Вспомогательных исторических дисциплин» статьи, раскрывающие каждую линию исследования. Первая статья из этой серии появилась в 1969 г. и касалась всеобложения, последняя — деятельности Совета министров в 1861–1882 гг. — в 1978 г., очевидно, совпав с выходом монографии[9].

Публикации в ВИД не были случайностью, работая над книгой, В.Г. основательно изучала источники. Монография содержит много источниковедческих открытий, связанных не только с обнаружением нового документа, но и с введением в широкий научный оборот уже выявленного историками, но не подвергнутого ими тщательному источниковедческому анализу. Так было с запиской Д. Н. Блудова о Совете министров, обнаруженной Н. П. Ерошкиным в РГИА в фонде И. Д. Делянова и атрибутированной историком в его докторской диссертации в качестве записки, представленной Деляновым Александру II. В.Г. внесла корректировку в идентификацию этого источника на основании текста самого документа и всеподданнейшего доклада П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г.

В 1861 г. П. А. Валуев возглавил Министерство внутренних дел, сначала в качестве управляющего, а затем министра, и оставался на этом посту до 1868 г. В.Г. обратила внимание на то, что он «был одним из немногих деятелей, имевших свою программу», которую неоднократно представлял Александру II, «видя необходимость некоторых политических уступок»[10]. Одним из пунктов программы этого государственного деятеля было создание объединенного правительства «наподобие английского парламентского устройства»[11].

Впервые П. А. Валуев изложил свою идеи во всеподданнейших записках от 15 и 22 сентября 1861 г., где указал (весьма осторожно) на необходимость

[9] *Чернуха В.Г.* 1) Всеподданнейший доклад П.А. Валуева как источник по истории податной реформы 1872 г. // ВИД. Вып. 2. Л., 1969. С. 262–269; 2) Совет министров в 1857–1861 гг. // ВИД. Вып. 5. Л., 1973. С. 120–137; 3) Конституирование Совета министров (1861 г.) // ВИД. Вып. 8. Л., 1976. С. 164–184; 4) Совет министров в 1861–1882 гг. // ВИД. Вып. 9. Л., 1978. С. 90–117.

[10] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 22.

[11] Там же. С. 24.

введения представительных начал и «единства» управления[12]. Маргиналии Александра II свидетельствуют о резко отрицательном отношении императора к предложениям Валуева. Однако через месяц, 20 октября, Александр II поручил министру составить проект повеления об учреждении Совета министров. Работая над этим документом, П. А. Валуев основывался «на бумагах, касавшихся основания Совета в 1857 г., пометах императора на его собственной записке и на опыте четырехлетней деятельности Совета». В итоге 24 октября он представил императору два документа: «Общие соображения» и «Предположения»[13]. В.Г. обратила внимание, что на первой странице «Общих положений» Валуев ссылается на записки Д. Н. Блудова, где Совету министров «присваивается значение “Ближнего совета”». В середине XX в. эти записки считались утраченными, но В.Г. соотнесла упоминание о «Ближнем совете» с содержанием документа, найденного Н. П. Ерошкиным. Она указала на то, что его авторство не могло принадлежать И. Д. Делянову, поскольку «записка составлена как всеподданнейшая записка лица, пользующегося правом регулярных всеподданнейших докладов <...> а Делянов, в то время третьестепенный чиновник, такого права не имел». Он служил под началом Д. Н. Блудова, был его «фактотумом» — доверенным лицом, и одним из поручений, возложенных патроном, стало составление этого документа.

В.Г. также уточнила дату создания записки — 1857 г., основываясь на упоминании «1856 г. как “минувшего”», и воссоздала историю ее появления. При всеподданнейшем докладе главноуправляющего II Отделением СЕИВК, еще в 1856 г. предлагавшего создать «совещание» глав различных ведомств, император изложил ему «свои взгляды на задачи и формы деятельности» будущего Совета министров и поручил представить свои соображения[14]. Так внимательное и вдумчивое отношение к источнику, исследовательская интуиция помогли воссоздать важный этап в основании Совета министров.

Серьезным научным открытием В.Г. стало уточнение даты появления Совета министров в системе государственной власти Российской империи. В.Г. уверенно доказала, что это произошло в 1857 г., выстраивая общую картину на основании подмеченных в различных источниках деталях. В итоге история основания Совета министров сложилась в стройное, логичное и ясное повествование, за которым стояла напряженная работа, проделанная автором.

В первое время своего существования Совет министров был полуофициальным учреждением, положение о котором не получило в 1857 г. высочайшего утверждения. П. А. Валуев очень точно определил характер Совета, назвав его «царской думой». Создание этого учреждения могло решить проблему единства государственного управления, под которым часть министров понимала коллективную практику выслушивания и обсуждения всеподданнейших до-

[12] Там же. С. 155–156.

[13] Там же. С. 162–163.

[14] Там же. С. 144–145.

кладов. Однако «этот способ достижения единства государственного управления оказался несостоятельным», представление всеподданнейших докладов глав ведомств лично императору было сохранено[15]. В 1861 г. состоялось конституирование Совета министров, в ходе которого правительственная группировка, выступавшая за введение единства управления, предприняла очередную попытку создания объединенного правительства. Однако Александр II воспротивился идее ограничения своей власти и сохранил контроль над учреждением.

В.Г. подробно рассмотрела деятельность Совета министров в 1861–1882 гг. в одной из статей в сборнике ВИД[16], отметив, что период его наивысшей активности не случайно пришелся на время подготовки крестьянской реформы, учреждение задумывалось Александром II как орган власти, способствующий продвижению преобразований. Однако в пореформенный период Совет министров постепенно превратился в «нежизнеспособное» учреждение. Если в статье акцент был сделан на периодичности и числе заседаний, их проблематике, порядке обсуждения дел, то в монографии выбран иной ракурс, освещающий обсуждение в правительственных кругах возможности создания «кабинета», дальнейшие попытки введения «единства» управления.

Решение этой проблемы было предпринято лишь в 1905 г., когда состоялось преобразование Совета министров практически на тех началах, которые предлагалось внести еще в середине XIX в.[17] Таким образом, необходимая для системы государственного управления реформа запоздала на полстолетия, так же как и создание представительных учреждений и введение всесословного подоходного налога.

Все три линии исследования В.Г. были связаны с именем П. А. Валуева, стоявшего в 1861–1868 гг. во главе Министерства внутренних дел, в 1872–1879 гг. возглавившего Министерство государственных имуществ, а в 1880–1881 гг. — Комитет министров. В.Г. обратила внимание на фигуру этого государственного деятеля, стремившегося играть роль европейского премьера при российском дворе. Эти попытки постоянно наталкивались на противодействие Александра II, вызывая разочарование сановника, о чем свидетельствуют его дневниковые записи. В.Г. тщательно изучила дневник П. А. Валуева, являющийся ценным историческим источником, дополнив имеющиеся в нем сведения данными других документов, связанных с именем этого государственного деятеля,— его всеподданнейших записок и докладов. В.Г. ввела в широкий научный оборот одну из его первых программных записок — от 22 сентября 1861 г., до того времени обратившую на себя внимание исследователей лишь выразительными маргиналиями Александра II. В.Г. подвергла это документ тщательному научному анализу, привлекая его содержание для характеристики попыток создания центрального представительства (в первой главе монографии) и объединенного правительства (во второй главе).

[15] Там же. С. 155.

[16] ВИД. Вып. 5. С. 120–137.

[17] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 198.

Еще одним важным документом для источниковой базы монографии стал всеподданнейший доклад комиссии Валуева, рассматривавшей в августе 1871 — апреле 1872 г. целесообразность введения всесословного подоходного налога. Этот вопрос оказался тесно связан с проблемой создания представительных учреждений. Комиссия должна была дать ответ на вопрос, насколько необходим переход к всеобложению с финансовой и политической точек зрения. Если в статье, опубликованной в ВИД в 1969 г., в самом начале исследования, В.Г. подвергла анализу сам текст доклада[18], то соответствующий раздел монографии оказался намного шире: она выделила и рассмотрела несколько этапов подготовки реформы: постановку вопроса в правительственных кругах (1862–1867), обсуждение податной реформы земствами (1869–1871), непосредственно деятельность комиссии П. А. Валуева, и проследила дальнейшую судьбу вопроса о подоходном налоге в царствование Александра II[19]. Так же как и другие несостоявшиеся реформы, этот вопрос был отложен до начала XX в.

В монографии В.Г. впервые предметом научного исследования стали не только конституционные проекты М. Т. Лорис-Меликова, но и П. А. Валуева (1863 г.), вел. кн. Константина Николаевича (1866 и 1880 гг.), а также попытка проведения политической реформы П. А. Шуваловым (в начале 1870-х гг.). По обоснованному мнению историка, это был «консерватизм буржуазной поры» — «консервативный вариант буржуазных преобразований».

В.Г. указала на «парадокс правительственного “конституционализма”» — сочетание консервативных целей и либеральных мер, выбранных в качестве средства их достижения. Особенно отчетливо этот парадокс проявился в попытках П. А. Шувалова создать «консервативную партию», которая, сплотив консервативные силы в правительственных кругах, с одной стороны была призвана обеспечить «первенствующую роль дворянства во всех областях экономической, социальной и политической жизни»[20], а с другой — добивалась этого, настаивая на создании центральных представительных органов (в которые могли бы войти представители дворянства). Историк обратила внимание, что оппозиционные выступления дворянства с требованием допущения его к законодательству, создания представительных учреждений начинают активно выдвигаться в конце 1850-х — первой половине 1860-х гг., в период, когда «материальные интересы русских помещиков оказываются под угрозой» в связи с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Тогда же самодержавная власть определила свое отношение к этим требованиям, «генеральной линией политики» стало противостояние введению представительных начал. Вместе с тем в правительственных кругах существовал и иной подход к созданию представительных учреждений, «предусматривавший некоторую уступку»[21], связанный с программой

[18] ВИД. Вып. 2. С. 262–269.

[19] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 199–243.

[20] Там же. С. 74.

[21] Там же. С. 16–17.

П. А. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, П. А. Шувалова. В.Г. также исследовала предложения вел. кн. Константина Николаевича, П. А. Шувалова, М. Т. Лорис-Меликова по созданию объединенного правительства.

К проблеме упущенных властью возможностей модернизации государственного управления В.Г. вернулась в своей последней монографии, посвященной российскому паспорту[22].

Несмотря на конкретику темы, задача, поставленная историком, более широка. Объектом исследования стал не только паспорт, но и связанные с ним «важнейшие проблемы XVIII — начала XX в. — проблема объема власти монарха» и вопросы модернизации самодержавного строя. Эволюция паспортной системы рассматривается В.Г. в связи с «сохранением автократической власти в России» и «некоторых учреждений самодержавной системы управления в обстановке непрекращающегося кризиса».

В.Г. показала развитие вопроса о свободе передвижения населения, постоянно встававшего перед властью, на фоне реформаторских поисков самодержавия. Решение паспортного вопроса в XIX столетии представлялось самодержавной властью как одно из направлений осуществления «законности», но в это понятие российские монархи вкладывали особый смысл — «установление таких правовых норм, которые именно самодержцу представлялись “законными”, ибо монарх выступал как единственный источник власти». Исследуя историю паспортного вопроса в контексте истории внутренней политики, выработки каждым самодержцем своего курса, В.Г. отметила, что на решение этой проблемы «оказывали воздействие как генеральные тенденции и стратегические задачи власти, так и текущие события, а с тем вместе, и в не меньшей степени, особенности характера и мировоззрения монарха»[23]. Именно поэтому историк остановилась на характеристике монархов XIX столетия, особо выделив Николая I и Александра III.

Оценка, которую В.Г. дает Николаю I, расходится с традиционным представлением об этом императоре только как о приверженце палочной дисциплины, военной службы и ужесточения режима. Историк подметила другие черты его натуры: «Николай I был человеком ярким, определенным, во всё вносившим личный элемент, не выпускавшим ничего из своих рук, стремившимся управлять единолично и придававшим этому личностному элементу очень большое значение». В.Г. подчеркнула, что Николай I «понимал свою абсолютную власть буквально»[24] — как обязанность вникать во все дела, ничего не упуская из виду. Так же он относился и к постоянно возникающим вопросам о разрешении передвижения своим подданным, «исправно реагируя как на повседневно возникающие текущие вопросы, так и на повторяющиеся ситуации» изданием новых законов[25].

---

[22] *Чернуха В.Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб., 2007.

[23] Там же. С. 95.

[24] Там же. С. 99.

[25] Там же. С. 104.

Через всю монографию красной нитью проходит тема реформаторского потенциала самодержавной власти. Если во второй четверти XIX в. у самодержавия «как формы государственного устройства» еще были «временные и организационные резервы», то к концу столетия они оказались исчерпанными. Уже Николаю I пришлось «постоянно сталкиваться» с тем, что «устои самодержавия» «размываются». По мнению В.Г., этим отчасти можно объяснить его «поспешное отступление перед аргументами о несвоевременности и опасности каких-либо уступок в деле отмены крепостного права». Историк обращает внимание читателя на тот факт, что император «безусловно, обдумывал» и даже «пытался сделать некоторые подготовительные шаги» под «давлением стихийно происходивших изменений»[26]. Ограниченность реформаторского потенциала самодержавия проявилась в эпоху Великих реформ, когда «оно смогло провести лишь часть явно необходимых преобразований» (среди которых была и паспортная реформа)[27]. «Упущенной возможностью мирной модернизации» В.Г. назвала события, связанные с отказом от проекта М.Т. Лорис-Меликова в апреле 1881 г. и ознаменовавшие поворот в российской внутренней политике. «Воцарение Александра III оборвало наметившуюся тенденцию движения к правовому государству. Он унаследовал власть, когда законодательная ее ветвь была подготовлена к реформированию, но еще не затронута преобразованием, а вся полнота хорошо налаженной административной ветви полностью сохранялась»[28].

В.Г. много размышляла о значении 1881 г.— «рокового» года российской истории. Итоги этих размышлений она представляла своим слушателям на лекциях и в беседах. «Каждый год в жизни большого государства знает свершения и утраты, беды и достижения; счастливое и тяжкое перемешаны в каждом из годов, как разноцветные камешки. Но что же заставило отнести 1881 г. к разряду “роковых”? Главную трагическую ноту привнесла в этот год гибель императора, смерть Александра II. С ним вместе ушла и целая эпоха, сначала поднявшая российское общество, необычайно оживившая его, а затем начавшая разочаровывать. 1881 г. — “роковой” в истории России, потому что довольно цельная программа, начавшая было осуществляться, в очередной раз сначала затормозилась, а затем и вовсе остановилась. Это разный год, как и всякий. Но отнесение его к роковым всё же идет по государственному признаку: смерть Александра II — смятение, колебания, поиски курса — смена курса, не исчерпавшего своих возможностей. Это, с одной стороны, расточительство (очевидно, В.Г. имела в виду расточительство реформаторского потенциала страны. — *И.Б., Л.Г.*), а с другой — поиски сотрудников, способных реализовывать иную политическую программу». Историк увидела параллель между 1881 и 1905 гг.: «1881 г. — поворот, и 1905 г. — возврат, но уже спешный, алармистский».

[26] Там же. С. 108.

[27] Там же. С. 117.

[28] Там же. С. 139.

В.Г. одной из первых проанализировала внутренние, не столь очевидные мотивы консервативной политики Александра III, такие как осуществление национальной идеи. По ее мнению, национализм Александра III — это отказ от принципа реформаторства, принятого Александром II, взявшим курс на форсированный переход к западноевропейским образцам и ценностям. Этот переход был обусловлен ситуацией военной отсталости и нежеланием российской власти смириться с ролью слабой державы. После поражения в Крымской войне Российская империя сохранила свое место на международной арене, но оно было «урезано», его необходимо было восстанавливать, доказывать «адекватность» российской экономической и социальной жизни европейским державам. Отказ от реформаторского курса в 1881 г., полагала В.Г., был подготовлен ранее, в 1880, когда власть встала на позицию осторожного отношения к проведению реформ, что было вызвано нарастанием экономических и политических проблем, а также тяжестью русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (а дипломатическая неудача на Берлинском конгрессе сближала ее итоги с Крымской войной).

В.Г. пришла к выводу, что национализм Александра III — это реакция власти на издержки форсированных реформ, которые проявились в отсталости в аграрной сфере, росте революционного движения, активности либеральной оппозиции, выступавшей с требованиями преобразования государственного строя в сторону конституционной монархии. Особенностью самодержавной власти был способ ликвидации этих издержек — не путем продвижения реформ, создания удобной и понятной крестьянам кредитной системы, договоренности власти с земством, улучшения положения населения, а старым единственным освоенным властью методом репрессий, утверждением своего господства над обществом. В основу консервативного курса Александра III был положен принцип «государство важнее личности».

В монографии о паспортной системе В.Г. дала емкую характеристику курса Александра III: оказавшись перед выбором сделать шаг вперед, к либеральным преобразованиям, или назад — к ужесточению режима, император «выбрал средний путь: стояния на месте, не отступая, и производя лишь улучшения существующего, снятие наиболее явных и вредных его издержек, “неудобств”»[29].

Значительную роль в выборе курса В.Г. отводила личным качествам Александра III, которому были свойственны «консервативные и даже националистические взгляды»[30]. Историк подчеркнула сходство позиций «царя-миротворца» и его деда[31]. Оба они были цельными и прагматичными натурами (в отличие, например, от сотканных из противоречий фигур Александра I, Александра II или Николая II). К Александру III с полным правом можно отнести слова историка А.Е. Преснякова, сказанные о Николае I: «Самодержавие для него — незыблемый догмат»[32]. Как и Николай I, он «понимал задачи самодержца буквально и пытался

[29] Там же. С. 150.

[30] Там же. С. 139.

[31] Там же. С. 141.

[32] *Пресняков А.Е.* Николай I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 262.

разрешать все дела единолично, вникая во множество специальных деталей». Потому и Государственный совет воспринимался им как учреждение, «предназначенное лишь для того, чтобы помочь ему сформировать собственную точку зрения». В.Г. отметила в усилении централизации управления «архаическую» черту самодержавной власти, проявлявшуюся все сильнее к концу XIX в. «в малой производительности ее высших и центральных государственных учреждений, которые всё отчетливее обнаруживают свою традиционную неторопливость, зависимость не от политических задач, а от "высочайшей воли"»[33]. Последствия сохранения «архаичности власти» сказались в царствование последнего российского императора, которому «пришлось спешно идти на такие радикальные преобразования, о которых ни Александр III, ни Николай I даже не подозревали»[34].

В.Г. обладала уникальной способностью «разговорить» исторический источник, увидеть за его скупыми строчками биение жизни, разглядеть мельчайшие детали и воссоздать целостный образ эпохи или исторического деятеля. Не случайно отдельным направлением ее научной деятельности стали работы над сборниками документов, посвященными реконструкции образов монархов.

Одной из особенностей истории внутренней политики монархического государства является ее персонификация. История Российской империи не стала исключением. Свойственная каждому царствованию модель управления обычно определяется исследователями как «политика императора» и под этим определением входит в научную литературу. Однако не всегда это означает, что речь идет именно о личности самодержца, которая зачастую представляется весьма схематично, лишь с течением времени вырисовываются отдельные детали, создавая целостный образ. Особенности характера и деяния российских монархов второй половины XIX в. имели большое значение для судеб России, поскольку в это время с особой остротой встала проблема включения государства в процесс кардинальных изменений всех сфер жизни. Притом что эта задача одинаково остро стояла перед Александром II и Александром III, фигуры этих императоров представляют разительный контраст, который отмечают и современники, и историки. В историографии сложился определенный стереотип: консервативная политика и контрреформы Александра III противопоставлялись либеральному курсу и реформам Александра II и представлялись как оппозиция предшественнику.

Выдающийся представитель советской исторической науки, П. А. Зайончковский посвятил конструированию образа Александра III отдельную главу монографии по истории внутренней политики конца XIX столетия. В ней личность императора представлялась традиционно для того периода развития отечественной историографии. Историк подчеркивал «тупость», «упрямство», «примитивизм ума» Александра III. При этом Зайончковский не отказывал монарху в здравом смысле, которым тот «руководствовался иногда» «в делах внешней политики». Ученый остановился на деталях частной жизни монарха,

[33] *Чернуха В.Г.* Паспорт в России. С. 140–141.

[34] Там же. С. 141.

уделяя место его читательским интересам, правда, представляя их такими же примитивными, как и ум императора[35].

Образу императора Александра II «повезло» немного больше. Его фигура предстала более многоплановой в трудах ученицы П. А. Зайончковского — Л. Г. Захаровой. В ее монографии нет отдельной главы, посвященной монарху, тем не менее его образ конструируется путем воссоздания сложного и противоречивого процесса подготовки крестьянской реформы[36]. Исследователь показывает фигуру императора, вовлеченного в круговорот мнений и взглядов, оказавшегося в эпицентре борьбы различных группировок, стоявшего перед необходимостью сделать выбор, от которого зависит и его будущее, и будущее страны. Реконструировать эту картину историку помогли свидетельства непосредственных участников этого процесса. «Острота ощущений и впечатлений», возникших при чтении переписки авторов реформы — Н. А. Милютина и его единомышленников — позволила исследователю воссоздать всю сложность борьбы политических течений, разворачивавшейся в тот период.

Постепенно в историографии образы монархов стали приобретать более выпуклые очертания, сквозь ход политических событий проступили чувства и эмоции тех, кто в них непосредственно участвовал. И всё же, если в личности Александра II историки отмечали положительные черты царя-реформатора, то консервативные мероприятия политики Александра III добавляли в исторический портрет лишь темные тона. Так складывался образ недалекого человека, от воли которого зависела судьба государства, несмотря на то что современники оставили об императоре разноречивые отзывы.

Публикация свидетельств современников началась еще в конце XIX в. на страницах «Русской старины», «Русского архива», «Исторического вестника». В 1920-х гг. начали издаваться дневники государственных деятелей, в первую очередь тех, кто весьма критично относился к действиям императоров[37]. В 1930–1960-х гг. появились работы эмигрантских писателей, негативно отзывавшихся о самодержавной власти[38]. Все эти многочисленные и разнообразные источники вошли в многотомное справочное издание 1970–1980-х гг. под ред. П. А. Зайончковского, ставшее ценным подспорьем для историков[39].

---

35 Александр III и его ближайшее окружение // Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 35–46.

36 *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984.

37 См. напр:. Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880–1885). М.–Л., 1927; *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891–1892. М.–Л., 1934; Дневник Д.А. Милютина. 1873–1882: В 4 т. М. 1949. Т. 2. 1876–1877.

38 *Долгоруков П.В.* Император Александр Николаевич. Его характер и образ жизни // Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1934. С. 105–111; *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966.

39 История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: В 13 т. / Под. ред. П.А. Зайончковского. М., 1976–1989.

С конца прошлого века историки занялись переизданием документов и подготовкой тематических сборников. Это направление конструирования образа монарха позволяет раскрыть различные стороны его жизни и деятельности, предоставляя читателю возможность самостоятельно прийти к выводам о роли личности в истории. Среди сборников документов выделяется серия «Государственные деятели России глазами современников». Тома, посвященные Александру II и Александру III, были подготовлены В. Г. Чернухой. Оба сборника открываются вступительными статьями составителя[40], в которых сформулирован выбранный историком подход. В. Г. Чернуха поставила перед собой задачу «дать читателю представление о жизни, прожитой <...> человеком и императором, показать его от рождения до смерти в самые различные времена и в различных обстоятельствах»[41], «показать императора с разных точек зрения, глазами непохожих людей»[42]. В изданиях собраны свидетельства людей, находившихся в разной степени близости к монархам и дававших различные, зачастую противоположные оценки их действиям. Это позволило представить палитру мнений, полную разнообразных оттенков, подчас противоречивых, рисующих яркими мазками портреты самодержцев, «понять существо, причины тех или иных поступков императора и мотивы его политики»[43]. Вступительная статья, предваряя знакомство читателя с документами, вводит его во внутренний мир монарха, несущего бремя власти, осознающего тяжесть этой ответственности, но при этом испытывающего чувства частного человека. Автору удалось передать это противоречие, поставить читателя перед «психологической загадкой» «соотношения верховного правителя и частного лица»[44], «вдохнуть жизнь» в конструируемые образы. Вместе с тем В.Г. обратилась к одному из важнейших факторов, влияющих на выбор курса развития страны, — мировоззрению монарха. Эта линия исследования неизбежно вела к размышлениям о процессе формирования качеств государственного деятеля, его подготовки и развития.

В.Г. много размышляла над тем, что представляет собой выдающийся государственный деятель. «В узком смысле — это человек, осознающий вызовы времени, правильно их оценивающий и сумевший реализовать поставленные временем задачи (причем не все, а наиболее кардинальные, стратегические), устранить препятствия, стоявшие на пути их решения. На протяжении жизни самого политика эти задачи меняются: от внешнеполитических — к внутренним. В России очень трудно быть хорошим государственным деятелем, челове-

[40] *Чернуха В.Г.* 1) Великий реформатор и великомученик // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 5–36; 2) Александр III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 5–40.

[41] *Александр Второй*. Воспоминания. Дневники. С. 36.

[42] *Александр Третий*. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 38.

[43] Там же.

[44] *Александр Второй*. Воспоминания. Дневники. С. 6.

ком на месте, из-за особенностей государства — слишком обширная и пестрая страна, слишком много задач стоит перед ее руководством».

В структуру первого тома — посвященного Александру II — вошли документы, относящиеся к периоду наследничества, обучения, женитьбе, воцарению и коронации. Фрагменты дневника П. А. Валуева позволили показать масштабность и противоречивость проведенных преобразований. Завершали том воспоминания современников о последнем покушении 1881 г. и подведение итогов царствования. Рубрики не вынесены в содержание книги, но документы предстают перед читателем согласно внутренней логике составителя. Таким образом, В.Г. давала возможность читателю самому стать исследователем, перед которым через призму свидетельств современников последовательно раскрываются основные вехи жизни главного героя — императора Александра II — и одновременно разворачиваются главные события эпохи.

Однако формат сборников не позволил поместить все материалы, отобранные историком, многое осталось за рамками книг. Перечитывая сборники, В.Г. отмечала, какие документы следовало бы добавить. Среди записей иногда появлялись заметки «Pro et contra». Именно антологии из серии «pro et contra», посвященные Александру II и Александру III, дали возможность опубликовать намеченные тексты[45]. Работу над ними В.Г. продолжала до последних дней. Структура антологии «Александр II» соответствовала главам раздела коллективной монографии «Власть реформы», который был написан В.Г.[46]: «Воцарение. Активное законотворчество», «Замедление реформ», «Кризис», «Итоги». Помимо фрагментов мемуаров и дневников современников в антологию вошли проекты представителей «правительственного конституционализма», подвергнутые В.Г. анализу в ее предыдущих работах: конфиденциальная инструкция Александра II вел. кн. Константину Николаевичу 18 (30) июня 1862 г., всеподданнейшая записка П. А. Валуева 13 апреля 1863 г., проект вел. кн. Константина Николаевича 1866 г., всеподданнейший доклад М. Т. Лорис-Меликова 28 января 1881 г.

Размышляя о структуре антологии «Александр III», В.Г. поставила задачу показать разные стороны жизни и деятельности этого императора — военную службу, семейную жизнь, отношения с членами императорской фамилии, руководство внешней политикой. На государственную деятельность Александра III его личные качества и детали частной жизни влияли в большей степени, чем это было в царствования предшественников, поэтому в антологии появилась глава «Частная жизнь». Опубликованные В. Г. документы позволяют по-иному оценить личность Александра III, разглядеть в нем «трагическую фигуру» человека, «взвалившего» на себя бремя власти, очень ответственно относившегося

[45] Александр II: Pro et contra / Вступит. ст. В.Г. Чернухи; сост., комм. И.Е. Барыкиной, В.Г. Чернухи. СПб., 2013; Александр III: Pro et contra, антология / Сост. И.Е. Барыкиной, В.Г. Чернухи; вступит. ст. В.Г. Чернухи; комм. И.Е. Барыкиной. СПб., 2013.

[46] *Чернуха В.Г.* Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Власть и реформы. М., 2006. С. 260–337.

к своим обязанностям. Во внутренней политике этого императора В.Г. увидела не только контрреформы, «но и продолжение реформ, намеченных, но не проведенных в предшествующее царствование»[47].

В.Г. по-особому относилась к созданию комментариев к документам. В подготовленных ею сборниках каждый комментарий представляет отдельное произведение, зарисовку, повествующую об авторе текста и одновременно дающую красочное представление о времени и мотивах создания документа. Героями небольших, но ярких очерков стали А. Ф. Тютчева, А. В. Жуковский, П. А. Кропоткин, П. А. Валуев, вел. кн. Константин Николаевич и др. Эти персонажи были для В.Г. не именами на бумаге, а собеседниками; изучая источники, она вела с ними своеобразный разговор, в ходе которого пытливый ум ученого искал истину. В этой сократической беседе историку открывались мельчайшие детали не только деятельности, но и образа мыслей исторических личностей, они представали живыми людьми со своими достоинствами и недостатками. В.Г. полагала, что задача ученого состоит не столько в оценке личных качеств персонажа (это может сделать и читатель), сколько в осмыслении итогов его деятельности.

Работы В. Г. свободны от государственной и общественной конъюнктуры, любая научная проблема рассматривалась ученым во всем ее многоцветии, общественно-политические взгляды тех или иных деятелей анализировались исходя из их внутренней логики. В.Г. всегда относилась к своим работам как к части российской историографии, петербургской исторической школы. В них скрывается огромный исследовательский потенциал: опираясь на достижения своих предшественников, В.Г. открыла новые сюжеты и темы для будущих историков. Ее деятельность является примером преданного служения науке, когда ученый посвящает всю свою жизнь поиску истины.

References

Chernukha V. G. Aleksandr III // Aleksandr Tretii. Vospominaniya. Dnevniki. Pis`ma. SPb., 2001. S. 5–40.

Chernukha V. G. Imperator Aleksandr III: ego zhizn` i kharakter, politika i ee otsenka // Kafedra istorii Rossii i sovremennaya istoricheskaya nauka. SPb., 2012 (Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka. T. III). S. 599–613.

Chernukha V. G. Konstituirovanie Soveta ministrov (1861 g.) // VID. Vyp. 8. L., 1976. S. 164–184.

Chernukha V. G. Pasport v Rossii. 1719–1917 gg. SPb., 2007.

Chernukha V. G. Sovet ministrov v 1857–1861 gg. // VID. Vyp. 5. L., 1973. S. 120–137.

Chernukha V. G. Sovet ministrov v 1861–1882 gg. // VID. Vyp. 9. L., 1978. S. 90–117.

[47] *Чернуха В.Г.* Император Александр III: его жизнь и характер, политика и ее оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. СПб., 2012 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С. 610.

Chernukha V. G. Velikie reformy. Popytka preodoleniya krizisa // Vlast` i reformy. M., 2006. S. 260–337.

Chernukha V. G. Velikii reformator i velikomuchenik // Aleksandr Vtoroi. Vospominaniya. Dnevniki. SPb., 1995. S. 5–36.

Chernukha V. G. Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. XIX v. L., 1978.

Chernukha V. G. Vsepoddanneishii doklad P. A. Valueva kak istochnik po istorii podatnoi reformy 1872 g. // VID. Vyp. 2. L., 1969. S. 262–269.

Dolgorukov P. V. Imperator Aleksandr Nikolaevich. Ego kharakter i obraz zhizni // Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta. 1860–1867. M., 1934. S. 105–111.

Garmiza V. V. Podgotovka zemskoi reformy 1864 g. M., 1957.

Gessen I. V. Sudebnaya reforma. SPb., 1905.

Ivanyukov I. Padenie krepostnogo prava v Rossii. SPb., 1903.

Klyuchevskii V. O. Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii: V 3 t. M., 2002. T. 3.

Kornilov A. A. Krest`yanskaya reforma. SPb., 1905.

Kornilov A. A. Kurs istorii Rossii XIX veka. M., 2004.

Kornilov A. A. Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855–1881). Istoricheskie ocherki. M., 1909.

Kropotkin P. A. Zapiski revolyutsionera. M., 1966.

Lamzdorf V. N. Dnevnik 1891–1892. M.–L., 1934.

Lemke M. K. Epokha tsenzurnykh reform. 1859–1865. SPb., 1904.

Milyutin D. A. Dnevnik D. A. Milyutina. 1873–1882: V 4 t. M., 1949. T. 2: 1876–1877.

Peretts E. A. Dnevnik E. A. Perettsa, gosudarstvennogo sekretarya (1880–1885). M.–L., 1927.

Presnyakov A. E. Nikolai I // Presnyakov A. E. Rossiiskie samoderzhtsy. M., 1990.

Tseitlin S. Ya. Zemskaya reforma // Istoriya Rossii v XIX v. M., b.g. T. III.

Valk S. N. Vnutrennyaya politika tsarizma v 80-kh — nachale 90-kh godov // Istoriya SSSR. Rossiya v period pobedy i utverzhdeniya kapitalizma (1856–1894). M., 1951. Ch. I.

Vilenskii B. V. Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii. Saratov, 1969.

Zaionchkovskii P. A. Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov. M., 1964.

Zaionchkovskii P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii. M., 1968.

Zaionchkovskii P. A. Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh — nachala 90-kh godov). M., 1970.

Zaionchkovskii P. A. Voennye reformy 1860–1870 gg. v Rossii. M., 1952.

Zakharova L. G. Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. M., 1984.

Zakharova L. G. Zemskaya kontrreforma. M., 1968.